

Лариса Михайловна Аржакова

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32 А. E-mail: larjak@mail.ru

Образ власти в прошлом и настоящем в трудах Юзефа Шуйского

В центре внимания — попытка выявить образы власти с опорой на отдельные сочинения польского историка, литератора, публициста, общественно-политического деятеля Юзефа Шуйского (1835–1883), лидера Краковской исторической школы и одного из станьчиков — политической группировки лоялистского толка, сформировавшейся в Галиции во второй половине XIX в. Многожанровое творческое наследие Шуйского представляет собой богатый материал с точки зрения определения того, насколько вообще обоснованно говорить об образах власти применительно к комплексной выборке: историческим трудам, драматургическим произведениям, публицистике и даже сатире. Среди прочих вопросов, возникающих в контексте заявленной темы: насколько содержательно и эмоционально насыщенным оказывается образ в зависимости от жанра, можно ли говорить о том, что применение категории образа гарантирует более адекватное представление о картине прошлого и настоящего, создаваемой автором. Проведенное исследование убеждает, что, как правило, автор остается последователен при создании того или иного характера, той или иной картины, идет ли речь об историческом сочинении, драме либо сатирическом опусе. В богатом творческом наследии Шуйского сквозной темой являются проблемы восприятия национального прошлого и воздействия этого прошлого на настоящее, буквально присутствие прошлого в настоящем. Даже с учетом условности, произвольности образов власти, выявленных в сочинениях Шуйского, следует признать, что развитие этой темы имеет определенные перспективы.

Ключевые слова: Галиция, Краковская историческая школа, Речь Посполитая, органический труд, историческая память, причины падения Польши

Цитирование: *Аржакова Л.М.* Образ власти в прошлом и настоящем в трудах Юзефа Шуйского // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 195–222. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.8.

Прошлое, настоящее, будущее как три состояния времени зачастую бывают воплощены в образах — отечества, власти, повседневности, где, так или иначе, главным действующим лицом выступает человек. Проживая и переживая разные состояния времени на свой лад, человек либо сам создает образы, либо, что чаще, заимствует их у писателей. В создании образов польского прошлого и настоящего Юзефу Шуйскому (1835–1883), служившему отнюдь не только Клию, но и другим обительницам Парнаса, среди историков равных было мало. Недаром сподвижник и единомышленник Шуйского Станислав Тарновский (1837–1917) считал необходимым специально написать о нем именно как о поэте, памятуя о том, что сам Шуйский, известный соотечественникам преимущественно как историк, публицист и общественно-политический деятель (один из лидеров станьчиков), в молодые годы главным призванием своей жизни считал поэзию¹.

Сформировавшись как историк, Шуйский оставался поэтом, тем самым невольно поставив себя в выигрышное, по сравнению с коллегами по историческому цеху, положение, ведь он изначально располагал набором более разнообразных инструментов для поиска и конструирования образов, иначе говоря, предлагал свою версию репрезентации прошлого. Именно образная характеристика, какую дал ему Станислав Смолка (1854–1924), будучи уверен, что в тогдашней Галиции быть литератором означало принести себя в жертву избранному делу, способна передать то уважение, какое внушал к себе Шуйский:

В армии, сражавшейся под знаком пера, литератор был добровольцем, по необходимости выступал то пехотинцем, то кавалеристом, а то артиллеристом или сапером, но всегда оставался солдатом, мужественно сражавшимся ради высокого дела².

Вообще, сочинения Шуйского есть основание считать стенограммой гуманитарного мышления, под которой М. М. Бахтин как изобретатель этого термина понимал «сложное взаимоотношение *текста* (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего *контекста* (вопрошающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого»³.

¹ Tarnowski 1901: 1; Tarnowski 1892; Tarnowski 1885. См. также: German 1889.

² Smolka 1883: 23.

³ Бахтин 1986: 301.

Случай Шуйского, если можно так выразиться, позволяет выявить и наглядным образом продемонстрировать сложный процесс взаимоотношения текста и контекста, без которого историк, по собственной воле и собственному выбору задавая направление этого внутреннего движения, скорее всего, не существует.

В статье выявляются образы власти на основе отдельных сочинений Ю. Шуйского⁴. Необходимо сделать оговорку, что постановка проблемы определяет условность, даже произвольность термина «образ» применительно к наблюдениям над творческим наследием Шуйского. Насколько оправданны поиски образа власти в многожанровой выборке, и насколько целесообразно эти поиски продолжать, еще предстоит определить.

Но прежде чем обратиться к версиям образов власти «трех фаз времени»⁵, какие можно обнаружить у Шуйского как главного, по мнению знатока истории польской общественно-политической мысли Анджея Вежбицкого, идеолога галицийских станьчигов⁶, и, несмотря на то, что образу Другого в данном случае предназначена второстепенная роль, приведу вариант сложившегося в России образа Польши, точнее — образа польской власти как Другого.

Когда в первые годы XX в. «Сатирикон»⁷ вынес на суд читающей публики, — склонной, как и сами авторы популярного журнала, воспринимать настоящее и прошлое с известной долей иронии и юмора, — свое видение всеобщей истории⁸, в собранном под одной обложкой хороводе образов стран и народов нашлось место

---

⁴ *Szujski J.* Portrety przez nie Van Dyka. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1861; *Idem.* Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów: Nakład Karola Wilda, 1864. Т. III. Królowie wolno obrani. Cz. 1. 1572–1668; *Idem.* O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki. Z powodu artykułu L. Wolskiego pod tytułem Dyagnoza. Kraków: Drukarnia “Czasu”, 1877; *Idem.* Dzieła. Wydanie zbiorowe. Kraków: Drukarnia “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885. Ser. I. T. 1. Poezye; *Idem.* Jerzy Lubomirski. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1863. Гетман Ежи Любомирский, предводитель антикоролевского мятежа — рокоша (*rokosz*, 1664–1666), не впервые становился героем исторической драмы. Ср., например: *Szajnocha K.* Jerzy Lubomirski. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1850. 114 s. Об этом см. подробнее, например: *Germań* 1889: 74–93.

⁵ Ассман 2017: 55–64.

⁶ *Wierzbicki* 2009: 130; см. также, например: *Feldman* 1933; *Grabski* 2003.

⁷ «Сатирикон» — литературно-художественный юмористический журнал, выходивший в Петербурге в 1908–1914 гг.

⁸ *Аверченко А.* Новая история // Всеобщая история. Обработанная «Сатириконом». СПб.: Издание М. Г. Корнфельда, 1910.

образу Польши. Творцом этого образа выступил Аркадий Аверченко (1881–1925), со свойственной ему легкостью несколькими искусными мазками-фразами начертавший запоминающийся портрет Речи Посполитой. Примечательно, что созданный Аверченко краткий и одновременно четкий образ содержал набор тех черт государственно-политического устройства былой Польши, какие ранее отмечали признанные авторитеты русской исторической науки. Так, фраза Аверченко: «Стоило только прекратиться роду королей Сигизмундов, как стали приглашать на престол кого попало: французского принца Генриха Анжуйского, давшего потом потихоньку тягу во Францию; какого-то семиградского воеводу Батория; шведского принца Сигизмунда и многих других»⁹, в значительной мере перекликается с тем, что около полувека до Аверченко писал о Польше Михаил Петрович Погодин (1800–1875). В книге 1868 г. историк отметил, что «со смерти последнего Пяста, в XIV столетии, на престоле польском последовательно сидели и Литовские, Семиградские князья, и Французские, Шведские принцы, и Саксонские курфюрсты»¹⁰, на этом основании задавая справедливый, на его взгляд, вопрос: «Почему же кажется <...> странным, что этот престол занят ныне Российским Императором?»¹¹. Однако Погодин предпочел не заметить того обстоятельства, что в период последнего бескоролья шляхетское общество Речи Посполитой — кажется, без исключения — было ориентировано на то, чтобы посадить на королевский престол Пяста и только Пяста (то есть польского кандидата), что, в частности, нашло отражение в предвыборных виршах 1763–1764 гг.¹²

Некоторый поворот в сторону сатиры обусловлен тяготением к этому жанру самого Шуйского. По замечанию С. Тарновского, в 1860-е годы, когда вышел сборник Шуйского «Портреты — не Ван Дейка» (1860), представлявший собой не столько политические трактаты в строгом смысле этого слова, сколько первый и заметный шаг на этом пути, Шуйский не раз говорил о своей увлеченности сатирой. «Портреты» ярко продемонстрировали эту грань его таланта, однако в них мы находим больше светлого юмора, чем острой шутки,

⁹ Аверченко А. Новая история. С. 132.

¹⁰ Погодин 1868: 4.

¹¹ Погодин 1868: 4

¹² Kaliszewski 2003.

готовой перерастить в сатиру¹³. Содержание сборника явственно свидетельствует, что, обращаясь к делам практическим, касавшимся проблем дня сегодняшнего¹⁴, молодой историк предпочитал смотреть на них преимущественно сквозь призму прошлого.

Шуйского, историка и прирожденного литератора, одолевали самые разные чувства. Внимательный наблюдатель, под пером которого прошлое становилось ближе как самому автору, так и внимавшим ему читателям, во вступительном слове к галерее портретов, названном иронически по отношению к самому себе — «Что-то вроде предисловия»¹⁵, он позволил язвительное высказывание по поводу современного ему века. На его взгляд, это столетие «справедливо названо веком бумагомарания, где чернильница выступает королем, а песочница — королевой»¹⁶. Будто сознавая, что резкое замечание требует объяснения, он с готовностью его представил. По его мнению, подобное «сочинительство и склонность к излишней открытости для некоторых превратилось в потребность по мере того, как руки отвыкли от работы, а голова от вдумчивых размышлений»¹⁷.

Что касается Шуйского, то вдумчивые размышления были его добрыми спутниками, вне зависимости от того, чем он был занят в настоящий момент: созданием драмы, комедии или истории Польши. Решение открыть сборник очерком «Шляхта и интеллигенция» можно отнести к одному из результатов таких размышлений. Для портрета шляхты Шуйский использовал минимум красок. Акцентировав, что осознание шляхтой себя как неприкасаемого, обособленного сословия во второй половине XIV в. привело к тому, что «народ воплотился в шляхте и как шляхта жил и пришел к политическому упадку»¹⁸, Шуйский затем вынес шляхте приговор, не подлежащий обжалованию: виновна. Развивая свою мысль и тем самым усиливая степень исторической вины шляхты перед народом Польши, Шуйский подчеркнул:

[М]ожновладство всегда чувствовало, что шляхта была всем, что не носило в себе животворного зародыша иной мысли, как мысль

¹³ Tarnowski 1892: 180; Smolka 1883: 24–29.

¹⁴ Tarnowski 1892: 176.

¹⁵ *Szuyjski J. Portrety*. S. 1–13.

¹⁶ *Ibid.* S. 1.

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ *Ibid.* S. 15.

шляхты, что не имело никогда столько энергии, чтобы объединиться с королевским престолом ради создания наследственной монархии с аристократической окраской, что вполне отвечало бы духу всевластия народа польского, воплощенного в шляхте, хотя страсти и амбиции подталкивали ее к иным целям¹⁹.

Когда Шуйский писал о современниках (очерк «Сельский политик»), он отметил, что «каждый поляк — прирожденный политик». Объяснение тому нашлось самое простое: любому поляку лучше, чем «французским публицистам и заграничным министрам известно, что необходимо всему свету»²⁰. И все-таки в тексте нет острой критики, разве что легкая ирония. Шуйский не обольщался, он знал, что поляк — непрактичный политик, он всегда предпочитает думать о воздушных замках, что для него самого чревато разочарованием, а для страны отставанием от всего остального мира²¹.

Даже эти два очерка свидетельствуют, что Шуйский достаточно трезво оценивал потенциал политической власти Речи Посполитой, одновременно выражая озабоченность склонностью соотечественников к далекому идеалу. Не менее иронично отозвался Шуйский об аристократах, поисками которых — «непреренно чистокровных», решил он заняться, «чтобы встал такой аристократ, как колонна старинного дворца среди современных мазанок» и явил миру правду, открыл великую истину²². Однако и здесь его ожидало разочарование, ибо образ польской аристократии, известной ему по давним представителям знаменитых родов, заметно померк.

Польский пассаж «Сатирикона», пожалуй, вполне смыкается с аналогичным у Шуйского, позволяя убедиться, что представление о Польше и ее государственно-политическом устройстве, сформированное в России на протяжении XIX столетия в тиши ученых кабинетов (куда, впрочем, без особого труда проникали стереотипы), в начале XX столетия без видимых изменений перекочевало на страницы столичного юмористического журнала. Но что, казалось бы, общего между историческими изысканиями и краткими ироническими зарисовками? Общего, конечно, не много. Вместе с тем подобные смысловые — причем разновременные — переключки, какие

¹⁹ Ibid. S. 16.

²⁰ Ibid. S. 28.

²¹ Ibid. S. 28.

²² Ibid. S. 84.

находим у историка и сатирика при подходе к одному и тому же предмету, по-своему симптоматичны. Во-первых, это означает, что традиционная для российской исторической полонистики оценка внутреннего положения Польши, начиная со Средних веков и вплоть до Нового времени, вышла за пределы сугубо научной и научно-публицистической литературы и, что называется, ушла в народ. Во-вторых, это явственно свидетельствует, что в русском обществе, далеком от научной полемики (например, по поводу польского вопроса и способов его решения²³), сформировалось достаточно устойчивое, хотя и поверхностное представление о своеобразии исторического опыта польского народа. Так что Аверченко, дополнивший созданный им образ Польши объявлением: «Речь Посполитая ищет трезвого, хорошего поведения короля. Без аттестата от последнего места не являться»²⁴, по существу, точно уловил и передал то недоумение, какое испытывал русский читатель, лишь понаслышке знакомый с необычной формой правления, распространенной в старой Польше. Можно сказать, что «Сатирикон», с избранной им манерой подачи исторического материала, не просто находил отклик у читающей публики, но утверждал — то ли в шутку, то ли всерьез — тот весьма условный объем знаний, которым большинство читателей были готовы довольствоваться. Польский эпизод во «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”», — это тот случай, когда историческое знание становится константой, и потому уже не претендует на познание (какой бы иллюзией оно не казалось) как на перманентный поиск и мыслительный процесс.

Но, конечно, одно дело, когда в сатирической манере пишет автор, взирая на предмет своей иронии если не холодным, то сторонним взором, всего лишь оттачивая свое острое перо и совершенствуя мастерство. Совсем другое дело, когда к сатире прибегает соотечественник как к привлекательному жанру, дабы поделиться с согражданами своими размышлениями о наболевшем.

Шуйский, с его изначальной предрасположенностью к поэзии и сатире, во многом шел по стопам своих знаменитых предшественников. Достаточно вспомнить польскую литературу эпохи Ренессанса, от сатир Миколая Рея (1505–1569) до остроумных фразешек Яна

²³ См., например: Погодин 1907; Погодин 1915; Филевич 1894.

²⁴ *Аверченко А.* Новая история. С. 132.

Кохановского (1530–1584), который, с тоской оглядываясь в прошлое, осуждал современную ему шляхту за утрату свойственных ее предкам добродетелей:

Теперешние шляхтичи — позор! —
 Себя лишь хвалят и ругают двор.
 А в прежнее-то время сколько было
 Среди них вояк, рубак — и вспомнить мило²⁵!

Или другой пример: чрезвычайно злободневная, рисующая картины польского общества в последние годы существования независимой Речи Посполитой, комедия Юлиана Урсина Немцевича (1757–1841) «Возвращение посла» (1790), посвященная маршалу Четырехлетний сейма²⁶ Станиславу Малаховскому (1736–1809), который, по мнению автора, «своими добродетелями и постоянством своим в общественной и частной жизни стал для всех примером»²⁷.

В тексте комедии на первый план выступали сюжеты, касавшиеся насущных проблем страны, для решения которых, по словам одного из героев, «необходимо выявить поводы и причины, только так придет к согласию друг с другом»²⁸. Рассуждая о войне, в которую тогда были вовлечены ближайшие соседи Речи Посполитой, собеседники озвучивали самые невероятные рецепты, которые могли, на их взгляд, быть выгодны Польше. Один из рецептов был особенно оригинален:

Польше ни с кем и никогда не надо объединяться,
 Пусть сидит тихо, не проявляет активности;
 А уж если союза не избежать,
 Пусть объединится с кем-нибудь далеким, от которого вреда не будет,
 Например, с Испанией, Португалией, или даже с Америкой²⁹.

Немцевич воссоздавал атмосферу, где одни поляки сознавали необходимость реформ, а другим, как сетовал автор, воспитанным в духе притяния чужого языка и чужих традиций, лишь предстояло

²⁵ Кохановский 1960: 122.

²⁶ *Четырехлетний, или Великий сейм* Речи Посполитой (1788–1792), основным достижением которого стало провозглашение польской конституции 3 мая 1791 г.

²⁷ *Niemcewicz J. U. Powrót posła // Niemcewicz J. U. Dzieła poetyczne*. Lipsk: Nakładem i Drukiem Breitkopfa i Haertela, 1838. Т. 4. S. 85–86.

²⁸ *Ibid.* S. 95–96.

²⁹ *Ibid.* S. 97.

осознать, что значит быть поляком³⁰. Как позднее вспоминал Адам Чарторыйский (1770–1861), Немцевич верно оценил создавшуюся ситуацию, в частности, заявив: «Когда речь идет о свободе, уже не приходится слишком долго раздумывать». Намереваясь предупредить соотечественников об опасности, он достаточно ясно указывал, откуда она проистекала: «Мы опасаемся гетманов, но не боимся врага. Мы изготовили ножны, а меч сделать забыли. Мы позаботились об управлении армией, а о самой армии не подумали»³¹.

Избранная автором стилистика повествования, точные наблюдения над настроениями общества, не отягощенного лишним знанием, над эмоциональным состоянием шляхетской среды находили живой отклик у современников, как позднее — у поляков разделенного отечества. И тональность сочинения Немцевича не слишком отличалась от той, какая была свойственна сатире Шуйского. Как метко заметил Станислав Кот во вступительной статье к очередному изданию комедии Немцевича:

Если даже сегодня, спустя более сотни лет, краски, которые использовал Немцевич, рисуя польское общество, не кажутся нам слишком блеклыми, можно вообразить, какое впечатление «Возвращение посла» производило на современных автору зрителей³².

Так что легко вообразить то воздействие, какое реалистично-критическая комедия Немцевича оказала на Шуйского, открытого для критики, с одной стороны, и готового к поискам решения проблем польского общества, с другой.

Лишним свидетельством признания современниками достоинств Шуйского как поэта стало то, что первый том его посмертных сочинений³³, изданием которых занимались его друзья, решено было собрать из поэтических произведений Шуйского, включая сатиру, особенно привлекавшую его в последние годы жизни³⁴, будто напоминая об увлечении молодости. Высоко оценивая широкие возможности сатиры, Шуйский исходил из убеждения, что там, «где простое

³⁰ Ibid. S.105.

³¹ Czartoryski 1860: 62–63.

³² Kot 1927: III–XLI, XXXIV.

³³ *Szujski J. Dzieła*. Wydanie zbiorowe. Ser. I. T. 1. Poezya. Kraków: Drukarnia “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885.

³⁴ Tarnowski 1885b: VII.

искреннее слово бессильно, может пригодиться ирония, ведь люди, для которых совесть и правда ничего не значат, всегда очень боятся комизма»³⁵.

В одном из сатирических опусов («Доброта сердца») Шуйский по обыкновению уводил своих читателей в прошлое, где искал и находил ответы на мучившие поляков вопросы:

Чувство порядка — правление! утрачено,
 Растет анархия, увлекает в пучину гибели,
 И вот, все та же глупость, толкает в бездну...
 Сверкаем рыцарским блеском,
 Чудесным украшенным древком,
 Стреляем! Но, желая попасть, даем осечку³⁶...

Шуйский вглядывался в прошлое, будто силясь проверить себя: верно ли оценил ситуацию, точно ли воспроизвел образ (?) власти, а точнее — безвластия, достаточно ли убедителен был для читателей? И приходил к выводу: чтобы найти ответы на все вопросы, лучше снова взяться за перо.

Так что трудно сказать, готов ли был Шуйский направить стрелы критики не только в сторону активно пишущей братии, но, будучи автором плодовитым, и в свою собственную сторону. Для оправдания собственного «бумагомарания» Шуйский располагал весомым аргументом: вся его недолгая жизнь протекала словно под девизом: «Каждый человек должен оплатить Отчизне такой долг, на какой у него только достанет силы духа»³⁷. С точки зрения Станислава Смольки, эти слова отца польской истории Яна Длугоша (1415–1480), к которому Шуйский всегда испытывал чувство глубокой симпатии, максимально точно передают смысл и содержание деятельности самого Шуйского³⁸.

Но Шуйскому, похоже, не давал покоя вопрос, так сказать, инструментальной целесообразности накрывшей польское общество волны «бумагомарания». Можно даже предположить, что он был бы готов признать, что «всякое положительное знание должно быть как бы надломлено опознанием его методологической

³⁵ См. Примечания: *Szujski J. Poezya. S. 155.*

³⁶ *Szujski J. Poezya. S. 160.*

³⁷ Smolka 1883: 4.

³⁸ Smolka 1883: 4–5.

обусловленности»³⁹. Сказано это было в другое время и по другому поводу, но, как представляется, вполне способно передать то состояние, в каком едва ли не перманентно пребывал Шуйский, усматривая для себя выход в том, чтобы любой жанр, где он находил себе применение, поставить на службу отчизне, а потому без устали писал: исторические труды, комедии, драматические сочинения, сатирические опусы. В польской историографии лет десять назад прозвучало мнение, что до сих пор исторические труды Шуйского в меньшей степени становятся предметом специального исследования⁴⁰, по сравнению с тем, что было написано по другим поводам: о Шуйском-литераторе или организаторе науки⁴¹.

Во многих отношениях любопытный сюжет польской истории, который привлек внимание Шуйского, связан с гетманом Ежи Любомирским. Достойно отдельного комментария, что молодой историк в самом начале активной писательской деятельности обратился к столь сложной проблеме, поставив перед собой задачу реконструировать события знаменательного пятилетия (1661–1666), в результате которых один из польских военачальников, ставший во главе антикорольевского мятежа, гетман Любомирский, в конце концов покорила королю Яну Казимиру (1648–1668 гг.) и покинул Польшу, но и король вместе с супругой Людовикой Марией Гонзага (1645/1648–1667 гг.) отступились от замыслов реформирования страны, явно в них нуждавшейся. Трудно сказать наверняка, усложнил себе задачу Шуйский или упростил, взявшись за щекотливый сюжет и развернув его в форме драмы «Ежи Любомирский» (1863). Смеею предположить, что для Шуйского, не освободившегося (или не свободного) от привязанности к драматургии, решение написать драму означало попытку наведения мостов между двумя близкими его внутренним порывам жанрами, литературой и историей. По утверждению Людомила Германа, этой сугубо «книжной» драме сцена изначально была заказана. Но почему? Уж слишком она оказалась растянутой, сетовал

³⁹ Степун 1995: 181.

⁴⁰ Słoczyński 2011: 634. Можно, однако, вспомнить о высокой оценке, какую дал «Истории Польши» в четырех томах Шуйского его коллега Станислав Смолька: «Полколение, которое сегодня трудится на благо народа, получило в свое распоряжение знания и науку о прошлом из чистого, живого источника». — Smolka 1883: 32.

⁴¹ См., например, подробнее «старые» и новые работы: Smolka 1883; Daszyk 2016; Wadzińska 2017; Wierzbicki 2021.

доброжелательный критик, слишком была перенасыщена персонажами и лишними подробностями⁴². Правда, Герман упустил из виду, что несколькими страницами ранее он сам признавал наличие в драме исторического фона (что влекло за собой увеличение объема и подробностей) удачей Шуйского. Общую оценку драмы Герман сформулировал весьма поэтически:

Любомирский и общество того времени представлялись автору как польский Гамлет, как мечтатель, смелый на словах, боязливый на деле, действующий под воздействием эмоций, а не руководимый холодным рассудком⁴³.

Что касается психологических особенностей населения Польши как единого организма, отмеченные Германом характеристики находим у самого Шуйского: «Польша — дитя веры, а не разума / И чужеземные умы не в силах нам помочь»⁴⁴, что лишний раз убеждает, что указанные свойства давно стали топикой. Справедливо отмечено: Шуйский был и оставался романтиком, в то же время выступая критиком романтизма: на протяжении всей жизни он стремился преобразовать романтические каноны, одновременно пытаясь сохранить «романтический культурный этос»⁴⁵. В контексте этой драмы эпизодически мелькал образ Другого (если смотреть с польской стороны), когда Любомирский бегло писал о русском царе, способном, в отличие от польского короля, «рубить головы»⁴⁶. Принято считать, что Шуйский в своей драме не склонялся ни в сторону короля, ни в сторону Любомирского⁴⁷. Так ли это?

Как ни странно, для Шуйского-историка, имевшего свое мнение насчет прегрешений польской власти в прошлом, в своеобразной дуэли позиций — короля и мятежного гетмана — очевидно стремление к равному распределению своих симпатий. Он сочувствовал королю,

⁴² German 1889: 75.

⁴³ German 1889: 93.

⁴⁴ *Szujski J.* Jerzy Lubomirski... S. 13.

⁴⁵ Michalak 1991: 16.

⁴⁶ *Szujski J.* Jerzy Lubomirski... S. 7.

⁴⁷ Впрочем, в «Истории...» Шуйский также обнаруживает если не симпатии, то сочувствие к Любомирскому. — Ср. *Szujski J.* Dzieje Polski podług ostatnich badań. T. III. Królowie wolno obrani. Cz. 1. 1572–1668. Lwów: Nakład Karola Wilda, 1864. S. 430–445, 452–464.

будучи уверен, что это «королева — мастерица перемен, / Ну, а король, король им всем покорен»⁴⁸.

Любомирский у Шуйского — почти олицетворение польских традиций. Гетман признался, что сохраняет привязанность «к своей родине и своему королю», а потому решительно отвергает бросаемые в его адрес обвинения: «В том, что изменилось, нет моей вины, / Советчиков настала власть в Отчизне»⁴⁹. А почтенный возраст Любомирского здесь будто отождествлен со старыми добрыми временами, светлая грусть о которых пронизывала в том числе польскую литературу раннего Нового времени:

Стар я уже. Люблю
Я тишину домашнюю,
Шум рощ родных,
Баюкают меня блаженны думы,
Навевая воспоминания о прошлом,
Что прикрывают от новых света нашего обычаев⁵⁰.

В уста Любомирского, отказавшего королю в повиновении, автор вложил слова, смысл которых был ясен любому шляхтичу, пополнившему ряды оппозиции, сам факт организации которой, что важно, не противоречил законам Речи Посполитой:

...для нас одна есть истина:
как раньше, любить отчизну нашу,
Правление в стране вести традиционно,
Воздавая честь и уважение достойным,
Заботу проявляя об отцах, —
И станет это вместе взятое — для Польши процветаньем⁵¹.

Другой вариант своеобразной дуэли, но уже не короля и магната, а двух коллег по перу — Шуйского и Людвика Вольского, на статью которого под названием «Диагноз» Шуйский не мог не отреагировать⁵². Столкновение произошло на почве разногласий по поводу

⁴⁸ Ibid. S. 8.

⁴⁹ Ibid. S. 11.

⁵⁰ Ibid. S. 10.

⁵¹ Ibid. S. 13.

⁵² *Szujski J.* O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki. Z powodu artykułu p. L. Wolskiego pod tytułem *Dyagnoza*. Kraków: Drukarnia “Czasu”, 1877. 36 s.

польских национальных интересов в настоящем, где корни разногласий крылись в различной трактовке польского прошлого. Шуйский процитировал оппонента, статью которого следует понимать как:

скромную попытку продемонстрировать: 1) что польский национальный дух падает, 2) что причина этого состоит в том, что хладнокровные и благоразумные люди посягнули на самые глубинные чувства и помыслы нации, высмеяв и растоптав их, чтобы придать развитию общества совершенно иное направление, 3) что это новое направление уже принято большинством народа и что поэтому нация находится в состоянии затяжного падения, 4) что эти хладнокровные и благоразумные люди, осквернив чувства настоящего, обратились к прошлому, чтобы внушить отвращение к прошлому, которое поддерживало народ и обеспечивало ему веру в будущее⁵³.

Статья Вольского носила программный, если можно так выразиться, характер, провоцируя на выступления против любых новшеств не только в настоящем, но и против посягательств на польское прошлое. Как историк, публицист, литератор, Шуйский всегда концентрировал свое и читателей (зрителей) внимание не только и не столько на национальном прошлом, сколько на включенности этого прошлого в общее настоящее, в чем убеждает любое вышедшее из-под его пера сочинение. Не будет большим преувеличением сказать, что в польской историографии эпохи разделенного государства невидимое звено, скреплявшее воедино вчера (большой длительности) и сегодня, обладало особой, по сравнению с прочими национальными историографиями, прочностью. Поэтому не удивительно, что явственно ощущаемая связь прошлого и настоящего, присутствие прошлого в настоящем, досталась в наследство польской историографии XX в. и следующего — XXI в.⁵⁴

Шуйский изложил свою и своих единомышленников позицию, которая, прежде всего, касалась давней польской власти (образа власти), а именно — прирожденных ее черт. Шуйский упрекал Вольского, что свое представление о том, что прирожденным свойством

⁵³ Ibid. S. 4. См. также: *Szujski J.* Kilka uwag o "Dziejach Polski w krótkim zarysie" Michała Bobrzyńskiego. Warszawa: Drukiem Władysława Dębskiego, 1879. 57 s.; *Bobrzyński M.* W imię prawdy dziejowej. Rzecz o zadaniu historyi i dzisiejszem jej stanowisku. Warszawa: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, 1879. 40 s.

⁵⁴ См., например: Serejski 1965; Kizwalter 2018; Jeszke 2021; Nowak 2021; Orzel 2021.

поляков является свобода, а не правительство (как синоним порядка), он почерпнул у Иоахима Лелевеля (1786–1861), Енджея Морачевского (1802–1855), Генриха Шмитта (1817–1883)⁵⁵, но не удосужился выяснить, всегда ли было так. Шуйскому пришлось напомнить оппоненту, что «фатальное стремление к свободе отнюдь не распространяется на всю польскую историю»⁵⁶, что, как известно, признавал в том числе Лелевель.

Образ власти в этом публицистическом сочинении Шуйского, где пересекалось прошлое с настоящим, напрямую перекликался с польским пассажем «Сатирикона», где по-своему запечатлен образ польской власти. Но важно здесь и другое. Сходство с научной составляющей русской точки зрения по поводу свойственных шляхетской республике недугов (в случае Вольского — достоинств, подразумеваемая свобода), можно было усмотреть, по мнению русских же коллег⁵⁷, у некоторых польских историков⁵⁸, причем проявилось это тогда же, когда тезисы о Польше формулировал М. П. Погодин, а именно — в 1860-е годы.

В борьбе за, так сказать, правдивую историю, как известно, первенствовала возглавляемая Шуйским Краковская историческая школа⁵⁹, градус спора вокруг научной и политической позиции которой в современной польской историографии отнюдь не снижает-ся⁶⁰. Характеризуя Шуйского как выдающегося историка и организатора науки, Анджей Грабский в обобщающем «Очерке истории польской историографии» не преминул подчеркнуть (впрочем, в этом он был не одинок)⁶¹, что некогда участник Январского восстания Шуйский после его поражения кардинально пересмотрел прежние романтические представления, отказался от повстанческих идеалов в пользу лоялистской теории и практики и стал одним

⁵⁵ *Szujski J.* O fałszywej historii. S. 5.

⁵⁶ *Ibidem.*

⁵⁷ Кареев 1886; Попов 1884.

⁵⁸ Подробнее об этом, см., например: Аржакова 2009.

⁵⁹ Smoleński 1898; Serejski 1963: 127–403; Bardach 1973; Grabski 2003: 126–134; Wierzbicki 2009: 130–132.

⁶⁰ См., например: Wierzbicki 1997; Dybiec 2004: 137–189; Jakubek 2005; Słoczyński 2011; Włodarski 2015; Wadzińska 2017; Daszyk 2020; Kawalec 2020; Swakoń 2020; Maternicki 2020; Wierzbicki 2021.

⁶¹ Feldman 1933: 51–59; Grabski 2003: 128. Łazuga 1991: 41; Król-Mazur 2010: 285–288; Kłoczowski (red.) 2016: 7–14; Paczos 2018; Wolff 2010: 219–224. Ср.: Wolff 2020.

из деятельных участников группировки станьчигов, исповедовавшей эту идеологию.

Однако такой выбор было сложно поддержать, по крайней мере сразу (случай с Вольским — лишнее тому доказательство), значительной части польского общества, которая не просто была не готова отказаться от своих убеждений и повстанческих идеалов, но готова была за них умереть, как афиняне за свое эллинство⁶². Болезненным оставался и вопрос идентичности австрийских поляков в Галиции — или галицийских поляков⁶³, что добавляло поводов к жарким спорам о дне сегодняшнем и дне прошедшем.

Наблюдения над образами позволяет проводить самые неожиданные сравнения. Например, творчества Михала Бобжиньского (1849–1935) и Аркадия Аверченко с его версией образа польской власти. Ученик Шуйского, Бобжиньский не только воспринял идейные постулаты своего наставника, но в значительной мере развил их, ярким подтверждением чему стал его «Очерк истории Польши» (1879)⁶⁴, мгновенно получивший популярность, хотя на первых порах скандальную. Можно сказать, что два образа польской истории, Бобжиньского и Аверченко, представляли собой противоположно направленные векторы. Если Бобжиньский сделал достоянием общественности весьма трудную для восприятия соотечественников версию польской истории, то Аверченко — напротив, максимально упростил, если не сказать — вульгаризировал польскую историю, в результате получился легкий и потому запоминающийся образ польского прошлого, польской власти, но — образ Другого.

Позволю себе повторить, преломление образа власти в польском контексте, точнее — в контексте польской общественно-политической и исторической мысли, обладает характерными, несравнимыми ни с какими иными случаями, особенностями. На этом основании можно отчасти согласиться с А. Г. Васильевым⁶⁵, не раз писавшим о падении

⁶² Ассман 2004: 294.

⁶³ Об этом подробнее см., например: Zięba 2017.

⁶⁴ *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Gebethner i Wolff, Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1887. Т. 1. 324 s.; *Idem.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Gebethner i Wolff, Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1890. Т. 2. 397 s. Ср. перевод с третьего издания: *Бобжиньский М.* Очерк истории Польши. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1888. Т. 1. 291 с.; Т. 2. 340 с. См. также: Grabski 1974: 5–38; Łazuga 1982: 22–71.

⁶⁵ Васильев 2010, ср.: Васильев 2012; Васильев, Васильева 2016.

Речи Посполитой как ключевой проблеме польской историографии XIX в., которую он предложил понимать как мемориализацию травмы, и на этом основании рассматривать (правда, недостаточно четко прописанные) модели мемориализации травмы⁶⁶.

Оперирование прошлым в контексте настоящего, конечно, не новость, но в зависимости от конкретных обстоятельств настоящего и опыта прошлого это прошлое по-разному себя проявляет в настоящем. Что касается собственно образов (выявление которых, настаивала бы, не обходится без трудностей, если дело не ограничивается лишь использованием термина), обращает на себя внимание определенное сходство в восприятии задач и предназначения истории между польским (Шуйский) и немецким историком, имею в виду античника Иоганна Густава Дройзена (1808–1884). Явно тяготевший к философии истории, более полутора столетий назад он заявил в очерке

---

⁶⁶ Васильев 2010, ср.: Васильев 2012. Поясню, почему соглашаюсь лишь отчасти. Обе работы Васильева (статья 2010 г. и глава в коллективной монографии 2012 г.) объединяет ключевая проблема историографии XIX в. — падение Польши. Один из вопросов, на первый взгляд, технический, который можно адресовать автору, связан с решением заковычить словосочетание падение Польши, что, надо полагать, позаимствовано у Н. И. Кареева (*Кареев Н. И.* «Падение Польши» в исторической литературе. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1888. 413 с.). Отмечу, однако, что Кареев в самом тексте, в отличие от Васильева, падение Польши от кавычек освобождает. Васильев, напротив, использует кавычки сверх меры, обрамляя ими не только падение Польши, но — без какого-либо комментария — и многие другие слова, словосочетания, фразы, что в результате не позволяет составить представление о собственно авторской (А. Г. Васильева) точке зрения. Кроме того, изначально спорное определение в работе 2012 г. — мемориализация травмы, в содержании главы оказывается размытым, почти так же, как, по словам автора (или, по мнению далее цитируемой автором Барбары Шацкой), в настоящее время размыта «граница между историей и мемориальными исследованиями» (Васильев 2012: 217). Как результат, мемориализация практически уходит в тень, откуда автор не спешит ее вывести, не акцентируя и заявленные методы мемориализации, тем самым оставляя читателям самостоятельно домысливать внешне лобопытную идею. Аналогичную ситуацию, имея в виду множество заковыченных слов и словосочетаний, следствием чего становится смысловая путаница, находим в статье 2016 г., где жертвой стали «истоки Польши» как центральный сюжет статьи. В названных работах А. Г. Васильева прочно заключенными в кавычки оказались основные термины, используемые в контексте польской истории. Это: «шляхетская республика», «коренные пороки», «пессимистический» и «оптимистический» сценарии, «сарматизм» и многое другое. Судя по всему, таков авторский стиль, что подтверждает, например, коллективная монография 2020 г., где А. Г. Васильев выступает автором одной из глав (Васильев 2020: 392–416), хотя это не снимает вопросы к Васильеву по поводу его, остающейся неясной, трактовки заковыченных терминов и определений.

«Историка»: «Практическое значение исторических исследований заключается в том, что они — и только они — дают государству, народу, армии и т. д. *образ самого себя*»⁶⁷. Эти слова Дройзена заставляют усомниться в справедливости утверждения, что образы вошли в ткань исторического исследования сравнительно недавно. С точки зрения заявленной темы, где в центре внимания, с какой бы стороны ни подходить, оказывается Юзеф Шуйский, восприятие предназначения исторических исследований как возможности создать образ самого себя (то есть народа) максимально соответствует направлению, по которому Шуйский следовал всю сознательную жизнь. Можно, хотя не без сомнений, предположить, что как раз в поисках образа прошлого, в том числе образа власти, вызывавшей в современном ему обществе ожесточенные споры, Шуйский через литературу пришел в историю.

Остается повторить, что такой конструкт, как образ, здесь — образ власти, всегда произволен и подчинен автору. На следующем этапе, — а образ, по определению, иллюзорен, он преобразуется (перелицовывается), — теперь уже по воле исследователя творческого наследия своего предшественника, и уже только от него зависит представление об образе, несмотря на то что образ, как правило, играет инструментальную роль. Пожалуй, даже само заявление об образе предполагает **большой** спрос и **большую** ответственность заявителя. Не оттого ли современная польская историография, пребывающая, насколько можно судить, в методологических поисках, если не сказать в состоянии некоторой методологической растерянности⁶⁸, избегает широко эксплуатировать категорию образа применительно к изучению власти древней Речи Посполитой.

В любом случае, обращение к избранным сочинениям Шуйского с целью выявления образа власти (каким бы условным этот образ ни был) убеждает, что дальнейшая разработка творческого наследия одного из лидеров станьчиков в контексте заявленной темы имеет определенные перспективы. Особенно если учитывать, что власть (в самом широком смысле слова) в польской истории и польской историографии привлекала и продолжает привлекать пристальное внимание исследователей. Труды Шуйского, где на первом плане — вне

⁶⁷ Дройзен 2004: 499.

⁶⁸ См. об этом, например: Wiślicz 2010; Wiślicz 2021; Domańska 2013; Domańska 2021; Zarycki 2021.

зависимости от того, перед нами литературное или историческое произведение — в основном выступают носители власти, подтверждают сложность задачи и необходимость дальнейшего уточнения очертаний того, что можно было бы определить как образ власти.

Литература

- Аржакова 2009 — *Аржакова Л.М.* Опыт польско-российского диалога: Н.И. Кареев, Н.А. Попов и Михал Бобжинский // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Вып. 3. 2009. С. 9–17.
- Аржакова 2010 — *Аржакова Л.М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. 343 с.
- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Ассман 2017 — *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
- Бахтин 1986 — *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Изд-во «Искусство», 1986. 445 с.
- Васильев 2010 — *Васильев А.Г.* «Падение Польши» в национальной историографии периода разделов: «пессимистический» сценарий // Вопросы культурологии. 2010. №9. С. 29–34.
- Васильев 2012 — *Васильев А.Г.* «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л. П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 215–248.
- Васильев 2020 — *Васильев А.Г.* Сарматизм в нарративах польской идентичности: на перекрестках интерпретаций // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 392–416.
- Васильев, Васильева 2016 — *Васильев А.Г., Васильева В.О.* Образы «истоков Польши» в романтическом мемориальном нарративе. Формирование события // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 151–171.
- Дройзен 2004 — *Дройзен И.Г.* Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. 583 с.
- Кареев 1886 — *Кареев Н.И.* Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. №12. С. 340–432.
- Кохановский 1960 — *Кохановский Я.* Избранные произведения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 370 с.
- Погодин 1907 — *Погодин А.Л.* Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1907. 662 с.

- Погодин 1915 — *Погодин А. Л.* История польского народа в XIX веке. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1915. 297 с.
- Погодин 1868 — *Погодин М. П.* Об отношении Польши к России // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М.: В типографии газеты «Русский», 1868. С. 1–10.
- Попов 1884 — *Попов Н. А.* О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. 1884. № 2. С. 22–27.
- Степун 1995 — *Степун Ф. А.* Памяти Андрея Белого // Воспоминания об Андрее Белом. М.: Республика, 1995. С. 162–186.
- Филевич 1894 — *Филевич И. П.* Польша и польский вопрос. М.: Университетская типография, 1894. 104 с.
- Bardach 1973 — *Bardach J.* W stulecie Krakowskiej szkoły historycznej // Kwartalnik Historyczny. 1973. LXXX, Z. 4. S. 962–968.
- Bobrzyński 1887 — *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Gebethner i Wolff, Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1887. T. 1. 324 s.
- Bobrzyński 1890 — *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1890. T. 2. 397 s.
- Czartoryski 1860 — *Czartoryski A.* Żywot J. Niemcewicza. Berlin; Poznań: Księgarnia B. Behra, 1860. 445 s.
- Daszyk 2016 — *Daszyk K. K.* Szkoła patriotyzmu politycznego. Stańczycy w autocharakterystyce // Stańczycy — konserwatyzm, który przeminął? / red. J. Kloczkowski. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2016. S. 15–44: URL: <http://stanczycy.pl/opracowania/szkola-patriotyzmu-politycznego/> (дата обращения: 25.08.2022).
- Daszyk 2020 — *Daszyk K. K.* Michał Bobrzyński kontra Roman Dmowski: historiograficzno-polityczny dwugłos na temat wskrzeszenia państwa Polskiego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 2020. № 147. Z. 3. S. 543–568.
- Domańska 2013 — *Domańska E.* Wiedza o przeszłości — perspektywa na przyszłość // Kwartalnik Historyczny. 2013. R. CXX. № 2. S. 221–274.
- Domańska 2021 — *Domańska E.* Problemy i perspektywy polskiej historiografii współczesnej. Wprowadzenie // Wielka zmiana. Historia wobec wyzwań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20 września 2019 roku / red. J. Pomorski, M. Mazur. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2021. T. 1. Potęga historii. S. 253–266.
- Dybiec 2004 — *Dybiec J.* Nie tylko szabłą. Nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej 1795–1918. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2004. 354 s.
- Feldman 1933 — *Feldman W.* Dzieje polskiej myśli politycznej 1864–1914. Warszawa; Kraków: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, 1933. 387 s.

- German 1889 — *German L.* O dramatach Józefa Szujskiego. Studium. Kraków: Księgarnia G. Gebethnera i Spółki, 1889. 258 s.
- Grabski 2003 — *Grabski A. F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 277 s.
- Janowski 2017 — *Janowski M.* Jeszcze raz o Lelewelu i kryteriach oceny klasyków historiografii // Kwartalnik Historyczny. 2017. R. CXXIV. № 3. S. 563–567.
- Jeszke 2021 — *Jeszke J.* Badacz i jego perspektywy interpretacyjne // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2021. № 2. S. 11–23.
- Kaliszewski 2003 — *Kaliszewski W.* Kto królem będzie, czy Polak i który? Wiersze elekcyjne ostatniego bezkrólewia 1763–1764. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. 290 s.
- Kawalec 2020 — *Kawalec A.* U początków modernizacji studium historycznego na uniwersytecie Jagiellońskim starania Ksawerego Liskego i Wincentego Zakrzewskiego o katedrę historii powszechnej na UJ // Kwartalnik Historyczny. 2020. R. CXXVII. № 3. S. 571–598.
- Kłoczkowski (red.) 2016 — Kłoczkowski J. (red.) Stańcyczycy — konserwatyzm, który przeminął? Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2016. 152 s.
- Kot 1927 — *Kot S.* Wstęp // *Niemcewicz J.* Powrót posła oraz wybór bajek politycznych z epoki sejmu Wielkiego. Kraków: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, 1927. S. I–XLI.
- Król-Mazur 2010 — *Król-Mazur R.* Idea odrodzonego państwa Polskiego w poglądach galicyjskich ugrupowań politycznych do utworzenia Naczelnego Komitetu Narodowego // Politeja. 2010. № 14. S. 269–300.
- Maternicki 2020 — *Maternicki J.* Konfederacja barska w myśli historycznej szkoły krakowskiej: Michał Bobrzyński i Anatol Lewicki // Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. 2020. T. 12. S. 10–23.
- Michalak 1991 — *Michalak H.* Wstęp // Józef Szujski o fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1991. S. 5–19.
- Nowak 2021 — *Nowak A.* The 2021 Kwartalnik Historyczny Survey // Kwartalnik Historyczny. 2021. R. CXXVIII. № 1. S. 17–27.
- Orzeł 2021 — *Orzeł J.* Między semantyką historyczną a kontekstem społecznym epoki — o języku politycznym szlachty Rzeczypospolitej // Kwartalnik Historyczny. 2021. R. CXXVIII. № 3. S. 813–829.
- Paczos 2018 — *Paczos S.* Rec. — Stańcyczycy — konserwatyzm, który przeminął? / red. J. Kłoczkowski. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2016. 152 s. // Historia Slavorum Occidentis. 2018. № 1(16). S. 120–125.
- Serejski 1965 — *Serejski M. H.* Przeszłość a terażniejszość. Szkice i studia historiograficzne. Wrocław: Wydawnictwo PAN, 1965. 266 s.
- Słoczyński 2010 — *Słoczyński H. M.* Światło w dziejarskiej ciemnicy. Koncepcja dziejów i interpretacja przeszłości Polski Joachima Lelewela. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze “Historia Jagiellonica”, 2010. 615 s.

- Słoczyński 2011 — *Słoczyński H. M.* Koncepcja przestrzeni w syntezie dziejów Polski Józefa Szujskiego i jej polityczne uwarunkowania // Kwartalnik Historyczny. 2011. R. CVIII. № 4. S. 633–679.
- Smoleński 1898 — *Smoleński W.* Szkoły historyczne w Polsce (główne kierunki poglądów na przeszłość). Warszawa: Drukarnia Artystyczna Saturnina Sikorsiego, 1898. 160 s.
- Smolka 1883 — *Smolka S.* Józef Szujski. Jego stanowisko w literaturze i w społeczeństwie. Kraków: Główny skład w księgarni Gebethnera i Spółki, 1883. 126 s.
- Strachowski 2021 — *Strachowski M.* Habsburski łącznik. Recenzja książki Larry’ego Wolffa Idea Galicji. — Wolff L. Idea Galicji. Historia i fantazja w kulturze politycznej Habsburgów. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 2021 // Nowy Napis. URL: <https://nowynapis.eu/tygodnik/nr-107/artykul/habsburski-lacznik-recenzja-ksiazki-larryego-wolffa-idea-galicji> (data obraczenia: 25.07.2022).
- Swakoń 2020 — *Swakoń R.* Józefa Kazimierza Plebańskiego krytyka tzw. krakowskiej szkoły historycznej // Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. 2020. T. 12. S. 51–71.
- Tarnowski 1885a — *Tarnowski S.* Szujskiego lata szkolne. Kraków: W drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885. 99 s.
- Tarnowski 1885b — *Tarnowski S.* Od wydawców // *Szujski J.* Dzieła. Wydanie zbiorowe. Kraków: Drukarnia “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885. Ser. I. T. 1. Poezye. S. I–VIII.
- Tarnowski 1892 — *Tarnowski S.* Szujskiego młodość. Kraków: W drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1892. 232 s.
- Tarnowski 1901 — *Tarnowski S.* Józef Szujski jako poeta. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1901. 201 s.
- Wadzińska 2017 — *Wadzińska A.* Dwa spojrzenia na historię Polski. Polemika demokratów lwowskich Henryka Schmitta i Ludwika Wolskiego z przedstawicielem krakowskiej „nowej szkoły historycznej” Józefem Szujskim w latach 70. XIX wieku // Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. 2017. T. 9. S. 7–31.
- Wierzbicki 1997 — *Wierzbicki A.* Wokół czarnej legendy historiografii krakowskich konserwatystów // Kwartalnik Historyczny. 1997. R. 104. № 2. S. 63–87.
- Wierzbicki 2021 — *Wierzbicki A.* Uwagi na temat “nowych szkół” w historiografii polskiej doby podzaborowej // Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. 2021. T. 13. S. 51–62.
- Wiślicz 2010 — *Wiślicz T.* Historiografia polska 1989–2009. Bardzo subiektywne podsumowanie // Przegląd Humanistyczny. 2010. R. LIV. № 5/6 (422/423). S. 37–48.
- Wiślicz 2021 — *Wiślicz T.* Nowe tendencje w historiografii polskiej po 1989 roku. Raport diagnostyczny // Wielka zmiana. Historia wobec wyzwań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20 września

- 2019 roku. / red. J. Pomorski, M. Mazur. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2021. T. 1. Potęga historii. S. 267–294.
- Włodarski 2015 — *Włodarski B.* Jeden cel — dwie drogi. O recepcje wzorców francuskich na przykładzie Krakowskiej i Warszawskiej szkoły nauk politycznych od czasów zaborów do 1939 roku // *Politeja*. 2015. 4 (36). S. 275–298.
- Wolff 2010 — *Wolff L.* The Idea of Galicia. History and fantasy in Habsburg political Culture. Stanford: Stanford University Press, 2010. 486 s.
- Zarycki 2021 — *Zarycki T.* Polska historiografia po roku 1989: spojrzenie socjologa nauki // *Kwartalnik Historyczny*. 2021. R. CXXVIII. № 1. S. 591–502.
- Zięba 2017 — *Zięba A.* Polacy galicyjscy czy Polacy w Galicji? Refleksja na temat przeobrażeń tożsamości polskiej w zaborze austriackim // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 2017. 144. Z. 2. S. 215–232.

References

- Arzhakova, L. M., 2009. Opyt pol'sko-rossiiskogo dialoga: N. I. Kareev, N. A. Popov i Mikhail Bobzhinski [The experience of Russian-Polish dialogue: N. I. Kareev, N. A. Popov i Mikhail Bobrzyński]. *Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istorii*, 3, pp. 9–17. (in Rus.)
- Arzhakova, L. M., 2010. *Rossiiskaia istoricheskaia polonistika i pol'skii vopros v 19 veke* [Russian historical Polish studies and the Polish question in the nineteenth century]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 343 p. (in Rus.)
- Assman, Ia., 2004. *Kul'turnaia pamiat'. Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory and political identity in early advanced civilizations]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 368 s. (In Rus.)
- Assman, Ia., 2017. *Raspalas' svjaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima moderna* [Has the connection of times broken down? The rise and fall of the temporal regime of Moderne]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 272 p. (in Rus.)
- Bakhtin, M. M., 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of verbal creation]. Moscow: Iskusstvo, 445 p. (in Rus.)
- Bardach, J., 1973. W stulecie Krakowskiej szkoły historycznej. *Kwartalnik Historyczny*, LXXX, 4, pp. 962–968.
- Bobrzyński, M., 1889. *Dzieje Polski w zarysie*, 1. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 324 p.
- Bobrzyński, M., 1890. *Dzieje Polski w zarysie*, 2. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 397 p.
- Czartoryski, A., 1860. *Żywot J. Niemcewicza*. Berlin; Poznań: Księgarnia B. Behra, 445 p.
- Daszyk, K. K., 2016. Szkoła patriotyzmu politycznego. Stańcycy w autocharakterystyce. In: Kloczkowski, J., ed. *Stańcycy — konserwatyzm, który przeminął?*

- Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, pp. 15–44. URL: <http://stanczy-cy.pl/opracowania/szkola-patriotyzmu-politycznego/> (дата обращения: 25.07.2022).
- Daszyk, K. K., 2020. Michał Bobrzyński kontra Roman Dmowski: historiograficzno-polityczny dwugłos na temat wskrzeszenia państwa Polskiego. *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*, 147, 3, pp. 543–568.
- Domańska, E., 2013. Wiedza o przeszłości — perspektywa na przyszłość. *Kwartalnik Historyczny*, CXX, 2, pp. 221–274.
- Domańska, E., 2021. Problemy i perspektywy polskiej historiografii współczesnej. Wprowadzenie. In: Pomorski, J., Mazur, M., eds. *Wielka zmiana. Historia wołbeczywoań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20 września 2019 roku, 1, Potęga historii*. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, pp. 253–266.
- Drojszen, I. G., 2004. *Istorika. Lektsii ob entsiklopedii i metodologii istorii* [The Historian. Lectures on encyclopaedia and methodology of history]. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 583 p. (in Rus.)
- Dybiec, J., 2004. *Nie tylko szabłą. Nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej 1795–1918*. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2004. 354 p.
- Feldman, W., 1933. *Dzieje polskiej myśli politycznej 1864–1914*. Warszawa; Kraków: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, 387 p.
- Filevich, I. P., 1894. *Pol'sha i pol'skii vopros* [Poland and the Polish question]. M.: Universitetskaia tipografiia, 1894, pp. 104. (in Rus.)
- German, L., 1889. *O dramatach Józefa Szujskiego. Studium*. Kraków: Księgarnia G. Gebethnera i Spółki, 258 p.
- Grabski, A. F., 2003. *Zarys historii historiografii polskiej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 277 p.
- Janowski, M., 2017. Jeszcze raz o Lelewelu i kryteriach oceny klasyków historiografii. *Kwartalnik Historyczny*, CXXIV, 3, pp. 563–567.
- Jeszek, W., 2021. Badacz i jego perspektywy interpretacyjne. *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*, 2, p. 11–23.
- Kaliszewski, W., 2003. *Kto królem będzie, czy Polak i który? Wiersze elekcyjne ostatniego bezkrólewia 1763–1764*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 290 p.
- Kareev, N. I., 1886. Noveishaia pol'skaia istoriografiia i perevorot v nei [Recent Polish historiography and the upheaval in it]. *Vestnik Evropy* [Herold of Europe], 12, pp. 340–432. (in Rus.)
- Kawalec, A., 2020. U początków modernizacji studium historycznego na uniwersytecie Jagiellońskim starania Ksawerego Liskego i Wincentego Zakrzewskiego o katedrę historii po wszechnej na UJ. *Kwartalnik Historyczny*, CXXVII, 3, pp. 571–598.
- Kłoczowski, J., ed. 2016. *Stańcycy — konserwatyzm, który przeminął?* Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 152 p.

- Kohanovskij, Ia., 1960. *Izbrannye proizvedenija* [Select works]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 370 p.
- Kot, S., 1927. Wstęp. In: Niemcewicz, J. *Powrót posła oraz wybór bajek politycznych z epoki sejmu Wielkiego*. Kraków: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, pp. I–XLI.
- Król-Mazur, R., 2010. Idea odrodzonego państwa Polskiego w poglądach galicyjskich ugrupowań politycznych do unworzenia Naczelnego Komitetu Narodowego. *Politeja*, 14, pp. 269–300.
- Maternicki, J., 2020. Konfederacja barska w myśli historycznej szkoły krakowskiej: Michał Bobrzyński i Anatol Lewicki. *Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii i Polskiej*, 12, pp. 10–23.
- Michalak, H., 1991. Wstęp. In: Szujski, J. *O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, pp. 5–19.
- Nowak, A., 2021. The 2021 Kwartalnik Historyczny Survey. *Kwartalnik Historyczny*, CXXVIII, 1, pp. 17–27.
- Orzeł, J., 2021. Między semantyką historyczną a kontekstem społecznym epoki – o języku politycznym szlachty Rzeczypospolitej. *Kwartalnik Historyczny*, CXXVIII, 3, pp. 813–829.
- Paczos, S., 2018. [Rec.] Stańcyzy – konserwatyzm, który przeminął?, red. J. Kloczkowski. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2016. 152 s. *Historia Slavorum Occidentis*, 2018, 1(16), pp. 120–125.
- Pogodin, A. L., 1907. *Głownye techenia pol'skoi politichesko mysli (1863–1907)* [Main trends in Polish political thought]. Saint Petersburg: Knigoizdatel'skoe t-vo "Prosveshchenie", 662 p.
- Pogodin, A. L., 1915. *Istoriia pol'skogo naroda v 19 veke* [History of the Polish people in the nineteenth century]. M.: Izdanie G. A. Lemana i S. I. Sakharova, 1915. 297 p. (in Rus.)
- Pogodin, M. P., 1868. Ob otnoshenii Pol'shi k Rossii [On the attitude of Poland to Russia]. In: Pogodin, M. P. *Pol'skii vopros. Sobranie rassuzhdenii, zapisok i zamechanii. 1831–1867* [The Polish question. Collection of reflections, notes and Remarks. 1831–1867]. Moscow: V tipografii gazety "Russkii", pp. 1–10. (in Rus.)
- Popov, N. A., 1884. O vazhneishikh iavleniiakh v pol'skoi istorichesko literaturze za proshlyi god [On the most important phenomena in Polish historical literature last year]. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo Slavianskogo Blagotvornitel'nogo Obshchestva* [Proceedings of the Slavic Charitable Society], 2, pp. 22–27. (in Rus.)
- Serejski, M. N., 1965. *Przeszłość a terażniejszość. Szkice i studia historiograficzne*. Wrocław: Wydawnictwo PAN, 266 p.
- Słoczyński, H. M., 2010. *Światło w dziejarskiej ciemnicy. Koncepcja dziejów i interpretacja przeszłości Polski Joachima Lelewela*. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Jagiellonica", 615 p.

- Słoczyński, H. M., 2011. Koncepcja przestrzeni w syntezie dziejów Polski Józefa Szujskiego i jej polityczne uwarunkowania. *kwartalnik Historyczny*, CVIII, 4, pp. 633–679.
- Smoleński, W., 1898. *Szkoły historyczne w Polsce (główne kierunki poglądów na przeszłość)*. Warszawa: Drukarnia Artystyczna Saturnina Sikorsiego, 160 p.
- Smolka, S., 1883. *Józef Szujski. Jego stanowisko w literaturze i w społeczeństwie*. Kraków: Główny skład w księgarni Gebethnera i Spółki, 126 p.
- Stepun, F. A., 1995. Pamiati Andreia Belogo [In memoriam of Andrei Belyi]. In: *Vospominaniia ob Andree Belom*. Moscow: Respublika, pp. 162–186. (in Rus.)
- Strachowski, M., 2021. Habsburski łącznik. Recenzja książki Larry’ego Wolffa Idea Galicji. – Wolff L. Idea Galicji. Historia i fantazja w kulturze politycznej Habsburgów. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury. *Nowy Napis*. URL: <https://nowynapis.eu/tygodnik/nr-107/artukul/habsburski-lacznik-recenzja-ksiazki-larryego-wolffa-idea-galicji> (accessed: 25.07.2022).
- Swakoń, R., 2020. Józefa Kazimierza Plebańskiego krytyka tzw. krakowskiej szkoły historycznej. *Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii i Polskiej*, 12, pp. 51–71.
- Tarnowski, S. 1885. *Szujskiego lata szkolne*. Kraków: W drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885. 99 s.
- Tarnowski, S., 1885. Od wydawców. In: Szujski, J. *Dzieła. Wydanie zbiorowe*. Ser. I, 1. Poezye. Kraków: Drukarnia “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, pp. I–VIII.
- Tarnowski, S., 1892. *Szujskiego młodość*. Kraków: W drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 232 p.
- Tarnowski, S., 1901. *Józef Szujski jako poeta*. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 201 p.
- Vasil’ev, A. G., 2010. “Padenie Pol’shi” v nacional’noi istoriografii perioda razdelov: “pessimisticheskii” scenarii [“The Fall of Poland” in the national historiography of the partitions period: A “pessimistic” scenario]. *Voprosy kul’turologii*, 9, pp. 29–34. (in Rus.)
- Vasil’ev, A. G., 2012. “Padenie Pol’shi” i modeli memorializacii travmy [“The Fall of Poland” and the models of the memorialization of the trauma]. In: Repina, L. P., ed. *Krizisy perelomnyh jepoh v istoricheskoy pamjati* [Turning-point crises in historical memory]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 215–248. (in Rus.)
- Vasil’ev, A. G., 2020. Sarmatism v narrativakh pol’skoj identichnosti: na perekrestkakh interpretacii [Sarmatism in the narratives of Polish identity: at the crossroads of interpretations]. In: Repina, L. P., ed. *Proshloe dlja nastoiashhego: Istoriia-pamjat’ i narrativy nacional’noj identichnosti* [The past for the present. History-memory and narratives in national identity]. Moscow: Akvilon, pp. 392–416. (in Rus.)

- Vasil'ev, A. G., Vasil'eva, V. O., 2016. Obrazy "istokov Pol'shi" v romanticheskom memorial'nom narrative. Formirovanie sobytija [Images of the "origins of Poland" in the Romantic memorial narrative. The shaping of an event]. In: *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 56, pp. 151–171. (in Rus.)
- Wadzińska, A., 2017. *Dwa spojrzenia na historię Polski. Polemika demokratów łwowskich Henryka Schmitta i Ludwika Wolskiego z przedstawicielem krakowskiej „nowej szkoły historycznej” Józefem Szujskim w latach 70. XIX wieku*. Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej, 9, pp. 7–31.
- Wierzbicki, A., 1997. Wokół czarnej legendy historiografii krakowskich konserwatyistów. *Kwartalnik Historyczny*, 104, 2, pp. 63–87.
- Wierzbicki, A., 2021. Uwagi na temat "nowych szkół" w historiografii polskiej doby podzaborowej. *Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii i Polskiej*, 13, pp. 51–62.
- Wiślicz, T., 2010. Historiografia polska 1989–2009. Bardzo subiektywne podsumowanie. *Przegląd Humanistyczny*, LIV, 5/6(422/423), pp. 37–48.
- Wiślicz, T., 2021. Nowe tendencje w historiografii polskiej po 1989 roku. Raport diagnostyczny. In: Pomorski, J., Mazur, M., eds. *Wielka zmiana. Historia wobec wyzwań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20 września 2019 roku*, 1, Potęga historii. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, pp. 267–294.
- Włodarski, B. 2015. Jeden cel — dwie drogi. Orecepcje wzorców francuskich na przykładzie Krakowskiej i Warszawskiej szkoły nauk politycznych od czasów zaborów do 1939 roku. *Politeja*, 4(36), pp. 275–298.
- Wolff, L., 2010. *The idea of Galicia. History and fantasy in Habsburg political Culture*. Stanford: Stanford University Press, 2010. 486 p.
- Zarycki, T., 2021. Polska historiografia po roku 1989: spojrzenie socjologa nauki. *Kwartalnik Historyczny*, CXXVIII, 1, pp. 591–502.
- Zięba, A., 2017. Polacy galicyjscy czy Polacyw Galicji? Refleksja na temat przeobrażeń tożsamości polskiej w zaborze austriackim Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. *Prace Historyczne*, 144, 2, pp. 215–232.

Larisa M. Arzhakova

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskij Prospekt 32 A. E-mail: larjak@mail.ru

The Image of Power in the Past and Present in the Writings of Jozef Szujski

The focus of this work is an attempt to identify images of power with the help of individual works by the Polish historian, writer, publicist, and social and political figure Józef Szujski (1835–1883), leader of the Krakow Historical School and one of the *Stańcycy*, a loyalist political grouping that formed in Galicia in the second half of the nineteenth century. The multi-genre creative heritage of Szujski represents fertile material in terms of determining whether it is generally valid to speak about images of power in relation to complex, multi-genre samples: historical works, dramaturgical works, journalism, and even satire. Among other questions which arise in the context of the stated theme are, “How meaningful and emotionally saturated is the image depending on the genre?” and “Can we say that the use of the category of the image guarantees a more adequate picture of the past and present created by the author?”. The conducted study convinces us that, as a rule, our author remains consistent in creating this or that character and this or that picture, whether we are talking about a historical work, a drama, or a satirical opus. In Szujski’s rich creative legacy, a cross-cutting theme is the problem of the perception of the national past and the impact of this past on the present, effectively the presence of the past in the present. Even taking into account the conventionality and arbitrariness of the images of power revealed in Szujski’s works, it should be recognised that the development of this theme has potential.

Keywords: Galicia, Krakow Historical School, Rzeczpospolita, organic work, historical memory, reasons for the fall of Poland

How to cite: Arszakova, L. M., 2022. Obraz vlasti v proshlom i nastoiashchem v trudakh Juzefa Shuiskogo // *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 195–222. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.8.